

В ЧЕРНОМ-ЧЕРНОМ КАБИНЕТЕ ЧЕРНЫЙ- ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК...

[В. С. Измозик. «Черные кабинеты»: История российской перлюстрации XVIII – начала XX века. Москва: Новое литературное обозрение, 2015. 696 с.]

Книга известного историка цензуры и, вероятно, самого компетентного знатока истории перлюстрации в России Владлена Измозика «*Черные кабинеты*»: История российской перлюстрации XVIII – начала XX века стала бы событием в любой ситуации. И вот почему.

Профессор В. С. Измозик открывает нам тайную страницу жизни российской империи – контроль за умственной жизнью и мнениями рядовых граждан. Причем делает он это, основываясь на тщательно собранных им в архивах сведениях, используя как немногие официальные материалы, так и эго-документы частных лиц и лиц, имеющих непосредственное отношение к изучаемому предмету. Мы имеем дело с результатом многолетних исследований – результатом вполне достоверным, поскольку документированным и осмысленным.

Однако книга вышла в 2015 г., и это создает некоторый дополнительный фон для ее восприятия. 2014–2015 гг. стали годами, когда тема спецслужб и тотального контроля за общественным мнением и общественными настроениями стала особенно актуальной. Дело Джулиана Ассанжа и созданного им

интернет-ресурса WikiLeaks, многочисленные публикации о контроле американских спецслужб за электронной перепиской европейских политиков, публикация расшифровок частных телефонных разговоров крупных политиков и бизнесменов в России и Украине, наконец, откровенное манипулирование общественным мнением обеими конфликтующими сторонами в ходе так называемой «гибридной войны» вокруг Крыма и Донбасса являются естественными составляющими этого фона. Поэтому серьезный исторический труд петербургского профессора объективно читается как политический триллер – причем триллер, не столько описывающий прошлое, сколько демонстрирующий истоки настоящего.

Предпосланный монографии в качестве эпиграфа фрагмент диалога персонажей гоголевского *Ревизора* – Городничего и Почтмейстера – носит практически вызывающий характер. Реплика Почтмейстера «Страсть люблю узнать, что есть нового на свете» указывает на некоторый синтез государственной и частной инициативы в деятельности перлюстраторов. Чиновники из «черных кабинетов» превращаются

практически в самостоятельную спецслужбу – но остаются при этом людьми, со всеми присущими людям страстями и искушениями. Автор подчеркивает это, рассказывая и о судьбах отдельных перлюстраторов, и о целых перлюстраторских династиях. Мы не можем знать наверняка, как, читая переписку тех или иных лиц, могли они использовать или использовали на практике полученные таким образом сведения в собственных интересах. Однако параллель напрашивается тем более эффективная, что мы знаем, как используют служебную информацию чиновники спецслужб на всем постсоветском пространстве, трансформируя информационный капитал в капитал реальный – политический или финансовый. И историк реконструирует борьбу центрального государственного аппарата за свою монополию – описывает попытки предотвратить «частную инициативу» местных чиновников, направленную на ведение перлюстрации в собственных интересах (с. 160–165).

Перлюстрация показывается В. С. Измоzikом как естественная составляющая тоталитарного государственного механизма. Взяв под контроль прессу и книгоиздание, государство не может остановиться, поскольку не уверено в том, что контроль действительно является полным. Отсюда цензура иностранной литературы, поступающей на территорию империи, и перлюстрация переписки граждан.

В ряде случаев перлюстрация является вполне оправданной – причем по тем же причинам, которые используются и преемниками имперских спецслужб для обоснования своего права

читать чужие письма. Прежде всего потому, что есть действительная необходимость бороться с террором. Так, например, автор рассказывает о борьбе властей с партией социалистов-революционеров (эсеров), как известно, активно прибегавших к силовым методам борьбы вплоть до физического устранения (с. 209–214, 233 и др.); о попытках бороться с «подстрекателями» среди крымских татар, подталкивавших их к эмиграции в Турцию (с. 164–165); о противостоянии революционной пропаганде эмигрантских марксистских кружков (с. 176–178) и т.д.

Перлюстрируется также (в начале XX в. – особенно активно) переписка лиц, формально лояльных к власти, однако придерживающихся той или иной «партии». Среди них оказывается, например, духовник императрицы Александры Федоровны настоятель Царскосельского Феодоровского собора Васильев. Причем копия одного из перлюстрированных писем передается фрейлине Вырубовой, поскольку свидетельствует о критическом отношении духовника к «партии» Г. Е. Распутина при дворе (с. 214–215).

Владлен Измоzik публикует документы, свидетельствующие об «обмене опытом» между перлюстраторами различных стран. Чиновники российских ведомств ездили в Европу, уточняя в Берлине и Вене, как у них «поставлено дело» (с. 204). В их отчетах можно найти увлекательное описание различных способов сокрытия следов совершенной перлюстрации – дабы получатель корреспонденции не догадался, что кто-то читал отправленное ему письмо еще до него. Особенно это важно, когда речь

идет о просмотре дипломатической почты, чему посвящена в книге отдельная глава (с. 276–301).

Цитируя перлюстрированные письма, историк содействует реконструкции в нашем сознании картины того, как именно граждане (чаще всего – не вполне лояльные) оценивали жизнь собственного государства. Приведем наиболее впечатливший нас пример. Действительный студент Г. А. Токарев писал из Дрездена в апреле 1841 г. сестре – княгине А. А. Кудашевой в Тамбовскую губернию: «Правительство своей медвежьей лапой закрывает <...> рот и запрещает говорить правду. Наша нынешняя литература не больше и не меньше, как проститутка. Это Полевой и Кукольник, которые продают свою Музу и свои стихи за перстни и монаршее благословение. <...>... что мы должны читать, какие имена можем мы назвать с тех пор, как умерли Пушкин и Марлинский. Какого-нибудь иезуита Кукольника, запойного пьяницу и святошу одновременно? Какого-нибудь Полевого, который торгует своим талантом? <...> Какого-нибудь Сенковского, который первоклассный плут и, к тому же, шулер? <...> Слава богу, что я далеко от моей родины! В моей стране мне бы пришлось плакать и умереть от ярости, наблюдая неподвизтым взглядом все, что там делается» (с. 429).

Понятно, что мы привыкли к тому, что цензура третирует не вполне благонадежных литераторов: шпики следят за школой в Ясной Поляне, ссылают Пушкина и Лермонтова, а Некрасов тщетно сражается за право выпускать и после 1866 г. свой «Современник». Но для контроля за писательскими умами

не нужно содержать штат чиновников и платить им не столь уж и маленькие деньги – тайна вообще дорого обходится (с. 182–185, 245–259 и др.). Свидетельства нелояльности дрезденского студента и тамбовской княгини оказываются ничуть не менее – а, может быть, и более даже важными для понимания того, как и чем живет русское общество и почему власть так боится выпустить его из-под контроля.

Отдельно остановимся на реконструкции В. С. Измозиком судеб и психологических портретов перлюстраторов. Здесь еще раз следует отметить уместность эпитафии из Н. В. Гоголя. В главах «Чиновники „черных кабинетов“» (с. 302–374) и «Перлюстрация в лицах» (с. 530–561) Владлен Измозик описывает судьбы тех, для кого чтение чужих писем стало профессией, а иногда и хобби. Читая, например, как перлюстраторы подбирают чернила, учатся аккуратно снимать сургучные печати и восстанавливать их на прежних местах, разгадывают секретные шифры и прочитывают записки, сделанные бесцветными чернилами между строк письма, представляешь их эдакими Акакиями Акакиевичами, которые, того и гляди, начнут подмигивать любимым буквам и заочно разговаривать с наиболее дорогими их сердцу корреспондентами.

В целом можно сказать, что историку удается «осветить» для нас «черные кабинеты», показать и смысл, и условия функционирования службы, которая, как можно догадаться, не в том своем, первобытном, виде, но сохранилась до нашего времени. Только «чиновники черных кабинетов» вооружены сегодня новейшей прослушивающей аппа-

ратурой, обучены хакерским приемам для вскрытия почтовых электронных ящиков и аккаунтов в социальных сетях. Если во времена империи власть худо-бедно умудрялась скрывать свое излишнее любопытство, хотя и не всегда удачно (Пушкин если и не знал, то догадывался о том, что его переписка с женой может читаться полицией – см., например, с. 477–482), то сейчас нормативные акты, регулирующие процесс контроля за ходом наших мыслей, публикуются на сайтах правительств, а специальную аппаратуру для организации тотальной слежки закупают на от-

крытых тендерах. Это не означает, что власть стала более открытой для нас – скорее, мы стали более открытыми для нее. А она просто стала более циничной. И хотя этот вывод напрямую не сделан в книге В. С. Измозика, но сама мысль об этом еще долго будет заставлять читателя невольно тосковать о тех временах, когда контроль был не столь тотальным. Или, по крайней мере, мы ничего о нем не знали наверняка.

Ничего не поделаешь. Все меняется, и технический прогресс – даже в деле перлюстрации – не стоит на месте. Скучно жить на свете, господа...

Александр Федута